

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2025. Т. 8, № 1. С. 77–100.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2025. Vol. 8, no. 1. P. 77–100.

Научная статья / Original article

УДК 1(091)

doi:10.17323/2658-5413-2025-8-1-77-100

МЕЖДУ ШЛЁЦЕРОМ И ШЕКСПИРОМ: О ЗАРОЖДЕНИИ ПРИНЦИПОВ РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА

Федор Александрович Гайда

Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия;
Православный Свято-Тихоновский
гуманитарный университет,
Москва, Россия, fyodorgayda@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается процесс зарождения и первоначального формирования существующей ныне в России традиции исторической науки. Автор показывает значение эволюции Н. М. Карамзина как историка, его связь с научным подходом А. Л. Шлёцера. В дальнейшем историографическую традицию в России закладывал творческий тандем А. С. Пушкина и М. П. Погодина. Автор статьи приходит к выводу, что первоначальные принципы российской науки были связаны с немецкой историографией последней трети XVIII века, как она складывалась в рамках Геттингенской школы. Именно тогда возник критический подход, положенный в основание исторического

источниковедения. Однако другой насущной проблемой стала реконструкция картины прошлого. В результате за основу была принята шекспировская драматургия.

Ключевые слова: историческая наука, Геттингенская школа, исторический источник, А. Л. Шлёцер, Н. М. Карамзин, А. С. Пушкин, М. П. Погодин

Ссылка для цитирования: *Гайда Ф. А. Между Шлёцером и Шекспиром: о зарождении принципов русской исторической науки в первой трети XIX века // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2025. Т. 8, № 1. С. 77–100. doi:10.17323/2658-5413-2025-8-1-77-100.*

Europe and Russia: Paradoxes of Kinship

BETWEEN SCHLOZER AND SHAKESPEARE:
ON THE EMERGENCE OF THE PRINCIPLES OF RUSSIAN HISTORICAL SCIENCE
IN THE FIRST THIRD OF THE 19TH CENTURY

Fyodor A. Gayda

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;
St. Tikhon Orthodox University, Moscow, Russia,
fyodorgayda@gmail.com

Abstract. The article examines the process of the origin and initial formation of the modern Russian tradition of historical science. The author shows the significance of the evolution of N. M. Karamzin as a historian, his connection with the scientific approach of A. L. Schlozer. Later, the historiographic tradition in Russia was laid by the creative tandem of A. S. Pushkin and M. P. Pogodin. The author of the article comes to the conclusion that the initial principles of Russian science were associated with German historiography of the last third of the 18th century, it was formed within the framework of the Göttingen school. The critical approach arose precisely then, it was laid in the foundation of historical source studies. Another pressing problem was the reconstruction of the picture of the past. As a result, Shakespearean dramaturgy was adopted as a basis.

Keywords: historical science, Göttingen school, historical source, A. L. Schlozer, N. M. Karamzin, A. S. Pushkin, M. P. Pogodin

For citation: Gayda, F. A. (2025) “Between Schlozer and Shakespeare: On the Emergence of the Principles of Russian Historical Science in the First Third of the 19th Century,” *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 8(1), pp. 77–100. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2025-8-1-77-100.

Существующая ныне в России научная традиция изучения истории насчитывает два века и уходит корнями в начало XIX столетия. За это время исследовательские подходы кардинально трансформировались, однако сама наука, несмотря на все политические перипетии, в той или иной мере все же сохраняла свою преемственность. В последние десятилетия, в отличие от советского времени, в подходах историков царит методологическое разнообразие. Тем интереснее задаться вопросом: на каких же принципах историография изначально задумывалась?

А. Л. Шлёцер: критический метод

Мировая (европейская) историческая наука сложилась в конце XVIII — начале XIX века, когда были выработаны основные подходы к критике исторического источника, а в качестве цели научного исследования обозначена реконструкция картины прошлого. Первоначально под влиянием Ш. Л. де Монтескьё (1689–1755) родилась немецкая критическая филология, у истоков которой стоял И. Д. Михаэлис (1717–1791) — первый научный комментатор Ветхого Завета. Он стал отцом-основателем Геттингенской исторической школы — предшественницы современной исторической науки. Одним из ярчайших представителей Геттингенской школы был Август Людвиг Шлёцер (1735–1809). Учебник Шлёцера, вышедший в 1779 году, стал первой попыткой научного изложения всеобщей истории на основе критического метода. В 1810–1820-е годы принципы Геттингенской школы были развиты Б. Г. Нибуром (1776–1831) и Л. фон Ранке (1795–1886), когда основной упор был сделан на извлечение из источника скрытой информации. Основной целью была заявлена реконструкция истории «как она есть». Во Франции пошли несколько иным путем, не забывая и про интерес читателя. На французскую историографию этого времени (в первую очередь О. Тьерри (1795–1856)) большое влияние оказала английская художественная литература. Исторический роман, у истоков которого стоял Вальтер Скотт (1771–1832), открывал возможность «погружения в эпоху». Французские историки стремились осуществить это с опорой на научные изыскания.

У нас Шлёцер известен прежде всего своим пребыванием в России в 1761–1767 годах и спорами с М. В. Ломоносовым. Тогда немецкий историк был еще

только начинающим ученым. Уехав из России, Шлёцер более никогда в нее не возвращался, однако навсегда сохранил живой интерес к русской истории. Он писал:

Какое ужасное понятие представляет русская древняя история! Я почти теряюсь в величии оного! История такой земли, которая составляет 9-ю часть обитаемого мира и в два раза более Европы; такой земли, которая в два раза обширнее древнего Рима, хотя и называющегося обладателем вселенныя; — история такого *народа*, который 900 уже лет играет важное лице на театре народов и теперь обладает от Ледовитого моря на юге до Балтийского, Каспийского и Байкала, а на востоке от Киммени, Двины и Днепра до Анадыря, Авачи и ложа Авроры; — история *державы*, соединяющей под своим скипетром словен, немцев, финнов, семоедов, калмыков, тунгузов и курильцев, народы совершенно различных языков и племяни, и соседящий с шведами, поляками, персами, бухарцами, китайцами, японцами и североамериканскими дикарями; — история России, сего настоящего розсадника народов, из южных части которых вышло толикое множество народов, разрушивших и основавших целые царства. Раскройте летописи всех времен и земель и покажите мне историю, которая превосходила бы или только равнялась бы с рускою! Это история не какия нибудь *земли*, а *целыя части света*, не *одного* народа, а *множества* народов, которые различались между собою языком, религиєю, нравами и происхождением, соединены под одну державу завоеваниями, судьбою и счастием. Руская история вообще, как я докажу, есть I. бесконечно *пространна*, по множеству или совсем неописанных, или недостаточно описанных народов, составляющих части сего великого целого, члены сего исполинского политического целого. II. Чрезвычайно *важна*, по непосредственному своему влиянию на всю прочую, как европейскую, так и азиатскую древнюю историю. III. Очень *верна*, по богатству своему в достоверных времянниках и прочих исторических источниках (здесь и далее в цитатах: курсив автора. — Ф. Г.).

[Нестор, 1809, с. XXXIV]

Именно Шлёцер ввел в русскую науку понятие «источник». По богатству источников ученый считал древнюю русскую историю более предпочтительной, чем истории иных европейских стран [Письма и дневник Александра Ивановича Тургенева, 1911, с. 73]. В Геттингене историк неизменно оказывал покровительство русским студентам. Находившийся там в 1802–1804 годах Александр Тургенев (1784–1845) писал родителям: «Профессор Шлецер мне отменно полюбился за свой образ преподавания и за то, что он любит Россию и

говорит о ней с такою похвалой и с таким жаром, как бы самой ревностной сын моего отечества» [Письма и дневник Александра Ивановича Тургенева, 1911, с. 29]. На склоне лет, в 1802–1805 годах, Шлёцером был написан посвященный источникам ранней русской истории труд «Нестор». В 1809 году работа была переведена на русский язык и посвящена императору Александру I. «Нестор» оказал большое влияние на целый ряд русских историков первой половины XIX века.

Н. М. Карамзин: «ферула Шлецера»

Однако в России историографическая традиция так же, как в Британии и Франции, складывалась в тесной связи с художественной литературой. Почему же модный молодой писатель Н. М. Карамзин (1766–1826) стал ученым-историком? Уже после своего знаменитого европейского путешествия он намеревался написать для иностранцев очерк русской истории, чтобы развеять слухи о русском варварстве. Так в 1792 году родилась повесть «Наталья, дочь боярская». Та же мысль содержалась в статье Карамзина о «Слове о полку Игореве», которое сравнивалось с шотландским Оссианом [Карамзин, 1978, с. 306 (пер. с. фр.)]. Свой основной принцип писатель формулировал так: «Всё народное — ничто перед человеческим» [Карамзин, 1984, с. 254].

Вместе с тем панъевропейский пафос Карамзина вызвал критику молодого поколения, упрекавшего писателя в блестящей подражательности. Андрей Тургенев (1781–1803), сын покровителя Карамзина И. П. Тургенева и брат Александра Тургенева, в 1800 году отмечал:

Карамзин сделал эпоху в нашей литературе и вопреки русскому характеру и климату и пр. (...) он слишком склонил нас к мягкости и разнеженности. Ему бы надлежало явиться веком позже, тогда, когда бы мы имели уже более сочинений в важнейших родах; тогда пусть бы он в отечественные дубы и лавры вплетал цветы свои. (...) Чем медленнее ход успехов, тем он вернее. Правда и то, что иногда один человек явится и, так сказать, увлечет за собою своих современников. Мы это знаем; мы сами имели Петра Великого, но такой человек для русской литературы должен быть теперь второй Ломоносов, а не Карамзин. Напитанный русскою оригинальностью, одаренный творческим даром, должен он дать другой оборот нашей литературе; иначе дерево увянет, покрывшись приятными цветами, но не показав ни широких листьев, ни сочных питательных плодов.

[Литературная критика 1800–1820-х годов, 1980, с. 45–47;
Лотман, 1958, с. 54–57]

Впрочем, павловская эпоха обернулась для Карамзина цензурными запретами. Не складывалась и личная жизнь. Ухудшилось здоровье. Вдохновение молодости ушло. Писатель почувствовал, что исписался: «Цветы жизни более и более для меня увядают. Желая только одного: умереть покойно. (...) Талант мой как Сибирской плод: не дозрев иссыхает» [Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву, 1866, с. 113]. Однако лекарством в невзгодах неожиданно стало новое увлечение: «История в некоторых летах занимает нас гораздо более романов; для зрелого ума истина имеет особую прелесть, которой нет в вымыслах» [Исторические воспоминания и замечания ... , 1802, с. 46]. В 1798 году Карамзин решил активно изучать всеобщую историю: «Займусь Историю. Начну с Джиллиса, после буду читать Фергусона, Гиббона, Робертсона — читать со вниманием и делать выписки, а там примусь за древних авторов, особливо за Плутарха» [Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву, 1866, с. 111]. Сперва речь не шла о сочинительстве. Карамзин решил написать похвалу Петру Великому, но понял, что для этого придется засесть за изучение истории на целых три месяца, и охладел: «Едва ли возможное для меня дело!» [Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву, 1866, с. 102].

Однако весной 1800 года от скуки и душевного томления Карамзин все же углубился в русскую историю: «Мне и грустно и досадно. Время у нас несносное: холод, снег, дождь; и на гулянье 1 Мая почти можно было ехать в санях. Я хотел рано убраться за город, на берег Москвы-реки; но теперь и думать нельзя; одна забава, играть в бостон. (...) Я по уши влез в Рускую историю; сплю и вижу Никона с Нестором» [Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву, 1866, с. 116]. Выехать из Москвы все же удалось, и целое лето писатель провел уединенно в нарышкинской усадьбе в Кунцеве (нынешнем Филевском парке), где его ждали «книга, чай и трубка». Карамзин описывал свое созерцательное одиночество: «Пишу к тебе, сидя на высоком берегу Москвы-реки, под тенью густых лип, и взглядывая на обширную равнину, которую вдали ограничивают роции и пригорки» [Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву, 1866, с. 115–116, 121]. Лицезрея Мнёвники, которые ныне активно превращаются из «обширной равнины» в спальный район, писатель отважился стать историком.

В мае 1802 года Шлёцер обратился к новому царю Александру I с пожеланием возродить должность историографа (ранее в этой должности в России уже состояли Г. Ф. Миллер (1705–1783), пригласивший Шлёцера в Россию, и кн. М. М. Щербатов (1733–1790)). Ходили даже слухи о назначении самого Шлёцера [Письма и дневник Александра Ивановича Тургенева, 1911, с. 275], хотя сам он уже был слишком стар и не смог бы приехать в Россию. Заслуги его были почтены тем, что в сентябре 1803 года историк получил орден св. Владимира и

российское дворянство [Письма и дневник Александра Ивановича Тургенева, 1911, с. 471–473]. Однако мысль о воссоздании должности историографа была посеяна, и Карамзин решился предложить свои услуги. 31 октября 1803 года вышел именной указ о его назначении. От Карамзина явно ждали изящной и либеральной истории Отечества. Шлёцеру подобное назначение историографом писателя явно не понравилось [Письма и дневник Александра Ивановича Тургенева, 1911, с. 327]. Карамзину предстояло на себе испытать учительскую «ферулу Шлецера» [Погодин, 1866, с. 30].

В 1804 году ученик Шлёцера Александр Тургенев написал в Геттингене статью о началах русской истории, прямо направленную против недавно вышедшего очерка Карамзина «О случаях и характерах в российской истории, которые могут быть предметами художеств» (1802). Тургенев требовал критически разобрать источники, чтобы глубоко вникнуть в дух русского народа и понять его особенности:

Историк как частного человека, так и целый народ должен изображать беспристрастно, и характер и того, и другого представлять в истинном виде, собирая для сего материалы не как-нибудь, но с критическим разбором, пропуская сквозь чистилище критики каждое сказанное слово, каждое историческое известие, застарелое ли или новое, не полагаясь на авторитет славного писателя, должен сам доходить до источников, и не прежде выдавать что-нибудь за *быль*, как по точном исследовании. Наконец, он должен стараться вникнуть в дух того народа, коего он хочет быть историком, или — что все равно — строгим судиею предков его пред современниками и потомками.

[Тургенев, 1911, с. 166–167]

Однако Карамзин отнесся к новому поприщу со всей серьезностью. В его «Истории» изящество стиля сочеталось с серьезным научным аппаратом (примечания составляли более половины общего объема текста). В марте 1805 года был завершён первый том, доводивший события до кончины Владимира Святого. Затем историограф читал свой труд московским друзьям, в том числе С. Л. Пушкину. На чтении присутствовал его 5-летний сын Александр. Мальчик отбросил игрушки и заворуженно смотрел на Карамзина [Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина, 1999, с. 5]. Тогда же произошла перемена отношения к Карамзину и со стороны Тургенева [Письма и дневник Александра Ивановича Тургенева, 1911, с. 327]. Теперь писатель получил признание как ученый и перестал уже бояться пресловутой «ферулы Шлецера» [Погодин, 1866, с. 30]. Солнце русской историографии вставало накануне восхода солнца Аустерлица.

Поле для авторского вдохновения было громадно. Карамзинская «История» продвигалась вместе с самой историей. Наполеон узурпаторски возлагал на себя императорскую корону, когда Карамзин описывал добровольное призвание Рюрика. Печальный для историка период раздробленности описывался уже после Аустерлица. О татарском иге Карамзин повествовал в годы Тильзита и Эрфурта. После Московского пожара 1812 года, в котором сгорела карамзинская библиотека, историк написал: «Грущу и по своей библиотеке, которую я собирал четверть века. Утешаюсь только мыслию, что Бог через нас истребляет всемирного злодея. Российская История может сделаться еще любопытнее» [Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву, 1866, с. 169–170]. С окончанием Наполеоновских войн, увенчавшихся победой России и Венским конгрессом, был дописан VIII том, в котором говорилось и о московском пожаре 1547 года, и о реформах Избранной рады. В 1818 году восемь томов были опубликованы и мгновенно раскуплены. В 1819 году работа была продолжена. Период опричнины совпал с волнениями в военных поселениях и Семеновской историей, Смута — с закатом александровской эпохи и восстанием декабристов [Погодин, 1865, с. 4–8, 15–33]. Карамзин жил в «Истории» и в истории, однако хорошо помнил о научной строгости. Другу поэту И. И. Дмитриеву он писал: «Между тем я в Сибири: пишу о *твоем* герое Ермаке. Но жалуюсь на худые материалы: ищу и не нахожу ничего характерного; все бездушно — а выдумывать нельзя» [Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву, 1866, с. 291].

А. С. Пушкин: драматургия истории

Вышедший в 1824 году XI том Карамзина сподвиг Пушкина, находившегося в михайловской ссылке, на написание трагедии «Борис Годунов». Разочаровавшись к этому времени в европейских революциях (их отголосками, как считалось, были испанские и итальянские события 1820–1823 годов), поэт изобразил обоюдную драму властителя и бунтовщика. Борис Годунов талантлив, но не может осуществить реформы, потому что пришел к власти через убийство (Пушкин исходил из карамзинской версии убийства царевича Дмитрия). Однако у него есть законный наследник. Увы, ему не суждено править, потому что его свергает Отрепьев. Неплохой, в сущности, молодой человек запутался в политических противоречиях. Его царствование обречено на неудачу, потому что к власти он приходит как кровавый узурпатор. Параллель Годунова с Александром I, вступившим на престол после убийства и неспособным провести задуманные реформы, оказалась вполне прозрачна. Сходство Самозванца с революционерами для самого Пушкина могло стать творческим открытием. Трагедия была завершена за 12 дней до кончины царя. До восстания оставалось чуть более месяца.

Стоит отметить, что к тому времени Карамзин уже был далеко не единственный интересовавший Пушкина историк. Из Одессы в 1824 году кн. П. А. Вяземскому (как известно, на его сводной сестре был женат Карамзин) поэт писал о французской историографии:

Французы ничуть не ниже англичан в истории. Если первенство чего-нибудь да стоит, то вспомните, что Вольтер первый пошел по новой дороге — и внес светильник философии в темные архивы истории. Робертсон сказал, что если бы Вольтер потрудился указать на источники своих сказаний, то бы он, Робертсон, никогда не написал своей «Истории»¹. 2-е, Лемонте есть гений 19-го столетия — прочти его «Обозрение царствования Людовика XIV»², и ты поставишь его выше Юма³ и Робертсона. Рабо де Сент-Этьен⁴ — дряннь.

[Пушкин, 1994–1997, т. 13, с. 102]

Тогда же Пушкин заинтересовался творчеством Вальтера Скотта, уже весьма популярного в России [Аносова, 2012]. Хорошо известно, что британский романист вдохновлялся творчеством У. Шекспира. Возможно, именно отсюда у русского поэта в 1824 году возникло пристальное внимание к английскому драматургу, который стал для него вершиной мировой литературы. В Шекспире привлекал реализм: «Правдоподобие положений и правдивость диалога — вот истинное правило трагедии. (Я не читал ни Кальдерона, ни Веги), но до чего изумителен Шекспир! Не могу прийти в себя. Как мелок по сравнению с ним Байрон-трагик! (...) Читайте Шекспира, он никогда не боится скомпрометировать своего героя, он заставляет его говорить с полнейшей непринужденностью, как в жизни, ибо уверен, что в надлежащую минуту и при надлежащих обстоятельствах он найдет для него язык, соответствующий его характеру». В другой редакции письма отмечалось: «Каждый человек любит, ненавидит, печалится, радуется — но каждый на свой лад — *почитайте-ка* Шекспира. (...) Читайте Шекспира [это мой постоянный припев]» [Пушкин, 1994–1997, т. 13, с. 541, 573 (пер. с. фр.)]. При этом Пушкин не скрывал амбивалентности своего восприятия: «После чтения Шекспира (...) я всегда чувствую кружение головы; — мне кажется, будто я глядел в ужасную мрачную пропасть» [Разговоры Пушкина, 1991, с. 87].

¹ Британский историк У. Робертсон (1721–1793), автор «Истории о государственном управлении императора Карла V и проч.» (Лондон, 1769; рус. пер.: СПб., 1775) и др. произведений.

² П.-Э. Лемонте (1762–1826), автор «Essai sur l'établissement monarchique de Louis XIV» (1818).

³ Британский философ, экономист и историк Д. Юм (1711–1776), автор «Истории Англии» (1754–1762).

⁴ Французский политик и публицист Ж.-П. Рабо Сент-Этьен (1743–1793), автор «Précis de l'histoire de la Révolution française» (1792).

Летом 1825 года была написана пушкинская «Сцена из Фауста». Общий сюжет брался у И. В. фон Гёте, однако под пером Пушкина гётевский Фауст превращался в раздираемого противоречиями шекспировского героя. Морской берег, на который поэт помещал своего персонажа, становился берегом у Эльсинора⁵. «Сцена из Фауста» стала отправной точкой для всей архитектоники «Бориса Годунова», в котором действовал целый сонм пушкинских фаустов. В результате пушкинский «Борис Годунов» родился как шекспировская трагедия на карамзинском сюжете. О событиях 14 декабря 1825 года Пушкин вскоре написал А. А. Дельвигу: «Не будем ни суеверны, ни односторонни, как фр.(анцузские) трагики; но взглянем на трагедию взглядом Шекспира» [Пушкин, 1994–1997, т. 13, с. 259].

М. П. Погодин: «истинная народная история»

В 1826 году, после николаевской амнистии, Пушкин вернулся в Москву и познакомился с молодым историком Михаилом Петровичем Погодиным (1800–1875). Он начал усиленно изучать русскую историю с 1818 года под влиянием Шлёцера и Карамзина. Учителем Погодина в Московском университете был филолог-классик Р. Ф. Тимковский (1785–1820). Еще в 1807–1809 годах он учился в Геттингене у учителя Шлёцера профессора-филолога Х. Г. Гейне (1729–1812). В университете Тимковский вполне мог встречаться и со Шлёцером. Как бы то ни было, Тимковский явно под его влиянием уже после выхода «Нестора» в 1810-е годы критически изучал древнерусские тексты [Барсуков, 1888–1910, т. 1, с. 33–37]. После ранней кончины ученого было опубликовано его исследование на эту тему [Летопись Несторова, 1824]. Навыки анализа источников у Тимковского почерпнул студент Погодин. 11 марта 1825 года состоялась защита его диссертации «О происхождении Руси». Свой труд ученый преподнес Карамзину и получил обнадеживающий отзыв [Погодин, 1865, с. 31–32]. С сентября 1825 года Погодин читал в Московском университете курс всеобщей истории. Основным ориентиром для ученого стал уже упомянутый учебник Шлёцера. Под влиянием историка, а также ученика Шлёцера — философа И. Г. Гердера — и Ф. В. Й. Шеллинга Погодин начал записывать в дневник свои «афоризмы», которые впоследствии, с 1827 года, публиковал в собственном журнале «Московский вестник» [Барсуков, 1888–1910, т. 1, с. 298–299].

Погодин испытал влияние французской историографии. В 1827 году в «Московском вестнике» была опубликована хвалебная рецензия филолога

⁵ «Шекспир понял страсти; Гете — нравы» [Пушкин, 1994–1997, т. 13, с. 572 (пер. с. фр.)]. Морская тема во второй части гётевского «Фауста» появилась позднее пушкинской «Сцены» и могла быть навеяна пушкинской поэзией [Алексеев, 1976].

С. П. Шевырева на труд О. Тьерри «История завоевания Англии норманнами». Рецензент обращал внимание на благотворность влияния немецкой науки: историк построил свое исследование на доскональном изучении источников и кропотливой реконструкции реалий прошлого. Шевырев отмечал:

Сочинитель утверждает в предисловии, что мы доселе не имеем еще французской истории, которая бы вполне соответствовала всем требованиям ученого или, говоря определеннее, не имеем такой истории народа, в коей бы достаточно изложено было различие частей, из коих он составился, и которая перенесла бы нас во времена описываемые, отстранив все влияние настоящего. Французские историки изображали прежнее бытие государств по понятиям своего века; но теперь требуют, чтоб состояние народа было представлено в разных периодах. Такова была цель автора при описании важного события истории, которое он хотел представить; он справлялся только с оригинальными и древнейшими источниками и ласкается надеждою, что едва ли оставил без внимания какие либо акты, для его предмета полезные.

[Шевырев, 1827, с. 329–330]

В 1828 году Шевырев писал об изучении «истории народа» как актуальной задаче французской историографии. Говоря здесь же о русской словесности, автор указывал на опубликованную в первом номере «Московского вестника» сцену разговора Пимена и Григория из «Бориса Годунова». Замечая в поэзии Пушкина (в опубликованном уже письме Татьяны и особенно в указанной сцене) проявившуюся оригинальность и зрелость, Шевырев указывал на причину такого суждения: «Характер Пимена носит на себе благородные черты народности» [Шевырев, 1828, с. 63, 68–69]. В наблюдениях автора относительно французских историков и русского поэта явно отражались итоги недавно отгремевшей полемики о «народности», происходившей по инициативе Вяземского. Под «народностью» тут понимали верное, правдивое отражение национального характера, проявлявшегося как у героя, так и у автора [Гайда, 2020].

В том же номере журнала сам Погодин опубликовал рецензию на «Письма об истории Франции» Тьерри. Русский историк соглашался с французским: «Истинная народная история, та история, которая достойно могла бы так называться, погребена еще в пыли современных летописей; одни только неточные, слабые компиляции предлагаются публике без истины и без цвета». Погодин цитировал Тьерри: «Весьма малое число избранных лиц занимает всю сцену истории, а целая масса народа исчезает за плащами придворных».

При этом одной источниковедческой реконструкции было бы недостаточно: «Люди и даже века минувшие должны в рассказе являться, как будто на сцене, живыми. Те ошибаются [сказано в адрес немецких историков. — Ф. Г.], которые отделяют происшествия от того, что составляет их цвет, их частную характеристику: невозможно, чтоб историк мог хорошо рассказывать, не живописуя, и удачно живописать, не рассказывая. Последователи той ошибочной методы бытописания всегда почти жертвуют повествованием, существенной частью истории, для объяснений посторонних, дающих только ключ к нему» [Погодин, 1828, с. 217, 219–220]. Погодин соглашался с Тьерри, что историю важно было уметь донести до читателя.

В 1829 году вышел первый том «Истории русского народа» Н. А. Полевого (1796–1846), который автор посвятил «г-ну Нибуру, первому историку нашего века». Труд писался как альтернатива карамзинскому [Полевой, 1829]. В рецензии на труд Карамзина Полевой упрекал его в написании истории правителей, а не народа [Полевой, 1990, с. 48–49]. Погодин ответил резкой рецензией, обвинив Полевого в компиляторстве и безграмотности [Погодин, 1830]. Пушкин был более сдержан. Отмечая чрезмерную увлеченность Полевого критикой Карамзина, Пушкин писал в его защиту как подлинного ученого:

Карамзин есть первый наш историк и последний летописец. Своею критикой он принадлежит истории, простодушием и апоффегами хронике. Критика его состоит в ученом сличении преданий, в остроумном изыскании истины, в ясном и верном изображении событий. Нет ни единой эпохи, ни единого важного происшествия, которые не были бы удовлетворительно развиты Карамзиным. Где рассказ его неудовлетворителен, там недоставало ему источников: он их не заменял своевольными догадками. Нравственные его размышления, своею иноческою простотою, дают его повествованию всю неизъяснимую прелесть древней летописи. Он их употреблял, как краски, но не полагал в них никакой существенной важности. «Заметим, что сии апоффегмы», говорит он в предисловии, столь много критикованном и столь еще мало понятом, «бывают для основательных умов или полу-истинами, или весьма обыкновенными истинами, которые не имеют большой цены в истории, где ищем действия и характеров». Не должно видеть в отдельных размышлениях насильственного направления повествования к какой-нибудь известной цели. Историк, добросовестно рассказав происшествие, выводит одно заключение, вы другое, г-н Полевой никакого: *вольному воля*, как говорили наши предки.

[Пушкин, 1994–1997, т. 11, с. 120–121]

Пушкин отмечал, что научные подходы в истории еще только продолжали формироваться: «Г-н Полевой сильно почувствовал достоинства Баранта⁶ и Тьерри и принял их образ мнений с неограниченным энтузиазмом молодого неопита. Пленясь романической живостью истины, выведенной перед нас в простодушной наготе летописи, он фанатически отвергнул существование всякой другой истории» [Пушкин, 1994–1997, т. 11, с. 121]. Пародией на Полевого стала пушкинская «История села Горюхина» [Пушкин, 1994–1997, т. 8, с. 127–140]. При этом Пушкин критиковал Полевого на основании все той же французской историографии, противопоставляя ему последовательный метод изложения Ф. Гизо («Очерк истории Франции с V по X в.» (1823)): «История Гизо одна мысль, одно событие, и какая сила, какая ясность, какая алгебраическая верность, точность» [Пушкин, 1994–1997, т. 11, с. 127, 378].

«Воскресить минувший век во всей его истине»

Но общий взгляд на историю, свойственный Гизо, мог быть лишь следствием кропотливого изучения деталей. И здесь Пушкин оставался приверженцем драматургического подхода. Еще в 1826 году поэт обратил внимание Погодина на Шекспира; под влиянием «Бориса Годунова» в ноябре 1829 — июне 1830 года историком была написана трагедия «Марфа, посадница Новгородская». Пушкин раскритиковал слог Погодина, но высоко оценил достоверность характеров [Пушкин, 1994–1997, т. 14, с. 128–129]. В черновике рецензии Пушкин написал:

Драм.(атический) поэт — беспристрастный, как судьба — должен был изобразить — столь же искренно, сколько глубокое, добросовестное исследование истины и живость воображения юного, пламенного ему послужило — отпор погибающей вольности, как глубоко обдуманый удар, утвердивший Россию на ее огромном основании. Он не должен был хитрить и клониться на одну сторону, жертвуя другою. Не он, не его политический образ мнений, не его тайное или явное пристрастие должно было говорить в трагедии, — но люди минувших дней, [их] умы, их предрассудки. Не его дело оправдывать и обвинять, подсказывать речи. Его дело воскресить минувший век во всей его истине.

[Пушкин, 1994–1997, т. 11, с. 181]

Синтетический подход Пушкина предполагал сочетание драматургии, живописания и научного анализа: «Действие В. Скотта ощутительно во всех от-

⁶ Барон А. Г. Проспер де Барант (1782–1866), автор «Histoire des ducs de Bourgogne de la maison de Valois» (в 13 т., Париж, 1824–1826).

раслях ему современной словесности. Новая школа французских историков образовалась под влиянием шотландского романиста. Он указал им источники совершенно новые, неподозреваемые прежде, несмотря на существование исторической драмы, созданной Шекспиром и Гёте» [Пушкин, 1994–1997, т. 11, с. 121]. Поэт раскрывал метод Скотта:

Главная прелесть романов Walter Scott состоит в том, что мы знакомимся с прошедшим временем не с *enflure* [напыщенностью — *франц.*] французских трагедий, — не с чопорностью чувствительных романов — не с *dignité* [достоинством — *франц.*] истории, (...) но домашним образом. (...) *Ce qui nous charme dans le roman historique — c'est que ce qui est historique est absolument ce que nous voyons* [что нас очаровывает в историческом романе — это то, что историческое в них есть подлинно то, что мы видим — *франц.*]. Shakespeare, Гете, Walter Scott не имеют холопского пристрастия к королям и героям. Они не подходят (как герои французские) на холопей, передразнивающих *la dignité et la noblesse*. Ils sont familiers dans les circonstances ordinaires de la vie, leur parole n'a rien d'affecté de théâtral même dans les circonstances solennelles — car les grandes circonstances leur sont familières. On voit que Walter Scott est de la petite société des rois d'Angleterre [достоинство и благородство. Они просты в буднях жизни, в их речах нет приподнятости, театральности, даже в торжественных случаях, так как величественное для них обычно. Видно, что Вальтер Скотт принадлежит к интимному кругу английских королей — *франц.*].

[Пушкин, 1994–1997, т. 12, с. 195]

Подобное понимание привело Пушкина от написания «Истории Пугачева» (1833–1834) к созданию «Капитанской дочки» (1833–1836). Вяземский отмечал:

В Пушкине было верно понимание истории. (...) Он не историю воплощал бы в себя и свою современность, а себя перенес бы в историю и в минувшее. (...) Он был одарен воображением и, так сказать, самоотвержением личности своей, настолько, что мог отрешать себя от присущего и воссоздавать минувшее, уживаться с ним, породниться с лицами, событиями, нравами, порядками, давным-давно замененными новыми поколениями, новыми порядками, новым общественным и гражданским строем.

[Вяземский, 1879, с. 373–374]

И. В. Киреевский выразил эту мысль по-своему: «Пушкин рожден для драматического рода. Он слишком многосторонен, слишком объективен, чтобы

быть лириком; в каждой из его поэм заметно невольное стремление дать особенную жизнь отдельным частям, стремление, часто клонящееся ко вреду целого в творениях эпических, но необходимое, драгоценное для драматика». К слову «объективен» присовокуплялось примечание: «Мы принуждены употреблять это выражение, покуда не имеем однозначительного на нашем языке» [Киреевский, 1979, с. 54]. Слово, как известно, не появилось до сих пор. Тем не менее «объективность» вполне соответствовало вяземскому «самоотвержению личности».

Н. В. Гоголь, познакомившийся в это время с Пушкиным и Погодиным и размышлявший о собственном поприще историка, в 1832 году дал свою формулу:

Мне кажется, что если бы глубокость результатов Гердера, нисходящих до самого начала человечества, соединить с быстрым, огненным взглядом Шлецера и изыскательною, расторопною мудростию Миллера⁷, тогда бы вышел такой историк, который бы мог написать всеобщую историю. Но при всем том ему бы еще много кое-чего недоставало: ему бы недоставало высокого драматического искусства, которого не видно ни у Шлецера, ни у Миллера, ни у Гердера. Я разумею однако ж под словом драматического искусства не то искусство, которое состоит в умении вести разговор, но в драматическом интересе всего творения, который сообщил бы ему неодолимую увлекательность, тот интерес, который иногда дышит в исторических отрывках Шиллера и особенно в тридцатилетней войне и которым отличается почти всякое немногосложное происшествие. Я бы к этому присоединил еще в некоторой степени занимательность рассказа Вальтера Скотта и его умение замечать самые тонкие оттенки; к этому присоединил бы шекспировское искусство развивать крупные черты характеров в тесных границах, и тогда бы, мне кажется, составился такой историк, какого требует всеобщая история. Но до того времени Миллер, Шлецер и Гердер долго останутся великими путеводителями. Они много, очень много осветили всеобщую историю, и если в нынешнее время мы имеем несколько замечательных сочинений, то этим обязаны им одним.

[Гоголь, 1937–1952, т. 8, с. 89]

В отношении Шлёцера писатель отмечал:

⁷ Швейцарский историк И. Мюллер (1752–1809), автор «Geschichte der Schweiz. Eidgenossenschaft» (т. 1–5, Лейпциг, 1786–1808).

Шлецер, можно сказать, первый почувствовал идею об одном великом целом, об одной единице, к которой должны быть приведены и в которую должны слиться все времена и народы. Он хотел одним взглядом обнять весь мир, всё живущее. Казалось, как будто бы он силился иметь сто аргусовых глаз, для того чтобы разом видеть сбывающееся во всех отдаленных углах мира. Его слог — молния, почти вдруг блещущая то там, то здесь и освещающая предметы на одно мгновение, но зато в ослепительной ясности. Я не знаю, исполнил ли бы он в самом деле то, что резко показывал другим, но по крайней мере никто так сильно не поражен был сам своим предметом, как он. Он имел достоинство в высшей степени сжимать всё в малообъемный фокус и двумя, тремя яркими чертами, часто даже одним эпитетом обозначать вдруг событие и народ. Его эпитеты удивительно горячи, дерзки, кажутся плодом одной счастливой минуты, одного внезапного вдохновения и так исполнены резкой, поражающей правды, что не скоро бы пришли на ум определившему себя на долгое глубокое исследование, выключая только, если этот исследователь будет сам Шлецер. (...) Он анализировал мир и все отжившие и живущие народы, а не описывал их; он рассекал весь мир анатомическим ножом, резал и делил на массивные части, располагал и отделял народы таким же образом, как ботаник распределяет растения по известным ему признакам. И оттого начертание его истории, казалось бы, должно быть слишком скелетным и сухим; но, к удивлению, всё у него сверкает такими резкими чертами, могущественный удар его глаза так верен, что, читая этот сжатый эскиз мира, замечаешь с изумлением, что собственное воображение горит, расширяется и дополняет всё по такому же самому закону, который определил Шлецер одним всемогущим словом, иногда оно стремится еще далее, потому что ему указана смелая дорога.

[Гоголь, 1937–1952, т. 8, с. 85–86]

В конце 1836 года Пушкин тоже обратился к чтению шлёцеровского «Нестора». Поэта сразу поразил подход к источникам: «Смотри, чем начал Шлецер свои критические исследования! Он переписывает летописи слово в слово, букву в букву... (...) А наши!..» [Пушкин, 1994–1997, т. 12, с. 207–208]. В свою очередь, под влиянием Пушкина, за чтение Гизо («Всеобщая история цивилизации в Европе» (1828)) принялся и Погодин [М. П. Погодин — Пушкину, 1996, с. 171, 207]. В июне 1831 года Погодин хотел написать «Теорию Истории, сообразно с нынешним состоянием науки» [М. П. Погодин — Пушкину, 1996, с. 170]. Этот грандиозный замысел остался нереализованным, однако историк продолжил сочинение и издание своих «афоризмов» с размышлениями на темы французской историографии. В 1832 году Погодин начал преподавание русской

истории, вдохновляясь подходом Гизо [Барсуков, 1888–1910, т. 4, с. 60]. Первая лекция была прочитана в присутствии нового товарища министра народного просвещения С. С. Уварова, инспектировавшего университет (на лекцию по истории литературы Уваров приведет и Пушкина) [Погодин, 2010, с. 85–94; Барсуков, 1888–1910, т. 4, с. 72–78]. Именно в это время в Московском университете была заложена та традиция изучения и преподавания русской истории (а позднее, с 1839 года, в лице Т. Н. Грановского — и всеобщей истории), которая по сути существует поныне.

Таким образом, зарождение традиций современной русской исторической науки в первой трети XIX века оказалось напрямую связано со шлёцеровской критикой источника и рецепцией шекспировского драматургического метода. Если первое составляло узкую специфику труда историка, то второе выводило исследование и исследователя на широкое гуманитарное поприще, помогало понять человека в истории и поделиться этим знанием с читателем. Собственно, и читатель, и сам историк выступали таким же человеком в истории. В этом и заключалось значение исторического знания. Эти принципы формулировались как задача для будущего. Поскольку такая задача универсальна, она остается актуальной и теперь.

Список источников

Алексеев М. П. К «Сцене из Фауста» Пушкина // *Временник Пушкинской комиссии*, 1976. Л.: Наука, 1979. С. 80–97.

Аносова О. Г. Восприятие творчества В. Скотта современниками в России // *Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность*. 2012. № 3. С. 79–85.

Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина: В 22-х т. СПб., 1888–1910.

Вяземский П. А. Взгляд на литературу нашу после смерти Пушкина // *Полное собрание сочинений кн. П. А. Вяземского*. СПб., 1879. Т. 2. С. 348–379.

Гайда Ф. А. Связующее начало: о понимании «народности» в России I половины XIX в. // *Русский Сборник: Исследования по истории России* / Ред.-сост. О. Р. Айрапетов и др. Т. XXIX. М., 2020. С. 97–116.

Гоголь Н. В. Шлецер, Миллер и Гердер // *Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: [В 14 т.]. [М.; Л.], 1937–1952. Т. 8. С. 85–89.*

Исторические воспоминания и замечания на пути к Троице и в сем монастыре // *Вестник Европы*. 1802. Ч. 5, № 17. С. 30–47.

Карамзин Н. М. Несколько слов о русской литературе. Письмо в «Зритель» о русской литературе // *Русская литературная критика XVIII века. Сборник текстов*. М., 1978. С. 305–306.

Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л., 1984.

Киреевский И. В. Нечто о характере поэзии Пушкина // *Киреевский И. В.* Критика и эстетика. М., 1979. С. 43–55.

Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина: В 4 т. / Сост. М. А. Цявловский. М., 1999. Т. I.

Летопись Несторова, по древнейшему списку Мниха Лаврентия: Напеч. при О-ве истории и древн. российских / Изд. проф. Тимковского, прерывающееся 1019 годом. М., 1824.

Литературная критика 1800–1820-х годов. М., 1980.

Лотман Ю. М. Андрей Сергеевич Кайсаров и литературно-общественная борьба его времени. Тарту, 1958.

М. П. Погодин — Пушкину. 3 июня 1831 г., Москва // *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений в 17 т. М., 1996. Т. 14. С. 170–171.

М. П. Погодин — Пушкину. 10 августа 1831 г., Москва // *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений в 17 т. М., 1996. Т. 14. С. 206–207.

Нестор. Русские летописи на древнеславянском языке, сличенные, переведенные и объясненные Августом Людвигом Шлецером. СПб., 1809. Ч. 1.

Письма и дневник Александра Ивановича Тургенева геттингенского периода (1802–1804 гг.) и письма его к А. С. Кайсарову и братьям в Геттинген 1805–1811 гг. / С введ. и примеч. В. М. Истрина. СПб., 1911. II паг.

Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866.

Погодин М. П. Взгляд на русскую историю. Лекция при открытии курса в сентябре 1832 г. // *Погодин М. П.* Избранные труды. М., 2010. С. 85–94.

[*Погодин М. П.*] История русского народа. Соч. Н. Полевого. Том I. Москва. В тип. А. Семена, 1829, в малую 8-ку LXXXII. 368. VII. 14 // *Московский вестник.* 1830. Ч. 1. С. 165–190.

Погодин М. П. Н. М. Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. М., 1866. Ч. 2.

Погодин М. П. Ход исторических работ Карамзина. М., 1865.

[*Погодин М. П.*] *Lettres sur l`histoire de France pour servir d`introduction à l`étude de celle histoire.* Par Augustin Thierry. Paris, 1827. Письма об истории Франции, соч. Тьерри // *Московский вестник.* 1828. Ч. 7. С. 215–223.

Полевой Н. А. История Государства Российского. Сочинение Н. М. Карамзина. СПб. Томы I–VIII, 1816 года, IX, 1821 г., X, XI, 1821 г., XII, 1829 года (первые восемь томов напечатаны вторым изданием в 1818 и 1819 годах) // *Полевой Н., Полевой Кс.* Литературная критика: Статьи, рецензии 1825–1842. Л., 1990. С. 32–52.

Полевой Н. А. История русского народа. М., 1829. Т. I.

Пушкин А. С. <Заметки при чтении «Нестора» Шлецера> // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 17 т. М., 1994–1997. Т. 12. С. 207–208.

Пушкин А. С. <О втором томе «Истории русского народа» Полевого> // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 17 т. М., 1994–1997. Т. 11. С. 125–127, 375–378.

Пушкин А. С. <О романах Вальтера Скотта> // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 17 т. М., 1994–1997. Т. 12. С. 195.

Пушкин А. С. А. А. Дельвигу. Начало февраля 1826 г. Михайловское // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 17 т. М., 1994–1997. Т. 13. С. 259–260.

Пушкин А. С. История русского народа, сочинение Николая Полевого. Том I. — М. в типогр. Августа Семена, 1829 (LXXXII—368 стран., в 8-ю д. л.). В конце книги приложена таблица, содержащая в себе генеалогическую роспись русских князей с 862 по 1055 год // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 17 т. М., 1994–1997. Т. 11. С. 119–124.

Пушкин А. С. Кн. П. А. Вяземскому, 5 июля 1824 г., Одесса (набросок) // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 17 т. М., 1994–1997. Т. 13. С. 102.

Пушкин А. С. М. П. Погодину. Последние числа ноября 1830 г. Болдино // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 17 т. М., 1994–1997. Т. 14. С. 128–129.

Пушкин А. С. Н. Н. Раевскому-сыну. Вторая половина (после 19) июля 1825 г. Михайловское. (Черновое) // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 17 т. М., 1994–1997. Т. 13. С. 540–542, 571–573.

Пушкин А. С. О народной драме и драме «Марфа Посадница» // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 17 т. М., 1994–1997. Т. 11. С. 177–183.

Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 17 т. М., 1994–1997.

Разговоры Пушкина. М., 1991.

Тургенев А. И. Критические примечания, касающиеся до древней славяно-русской истории // Письма и дневник Александра Ивановича Тургенева геттингенского периода (1802–1804 гг.) и письма его к А. С. Кайсарову и братьям в Геттинген 1805–1811 гг. / С введ. и примеч. В. М. Истрина. СПб., 1911. II паг. С. 166–167.

[Шевырев С. П.] Обзорение русской словесности за 1827-й год // Московский вестник. 1828. Ч. 7. С. 59–84.

[Шевырев С. П.] Histoire de la conquête de l'Angleterre par les Normands, de ses causes et de ses suites jusqu'à nos jours, en Angleterre, en Ecosse, en Irlande et sur le continent, par Augustin Thierry. T. I. XXVI. 440 p. T. II. 501 p. T. III. 566 p. 1825. 1826. in 8°: История завоевания Англии Норманнами // Московский вестник. 1827. Ч. 6. С. 329–330.

References

Alekseev, M. P. (1979) “K ‘Stsene iz Fausta’ Pushkina” [“To Pushkin’s ‘Scene from Faust’”], in *Vremennik Pushkinskoi komissii, 1976* [*Vremyanik Pushkinskoy Komissiyi, 1976*]. Leningrad: Nauka, pp. 80–97.

Anosova, O. G. (2012) “Vospriyatie tvorchestva V. Skotta sovremennikami v Rossii” [“Perception of W. Scott’s Work by Contemporaries in Russia”], *Vestnik RUDN. Seriya: Voprosy obrazovaniya: yazyki i spetsial’nost’* [*Bulletin of RUDN. Series: Educational Issues: Languages and Specialties*], 3, pp. 79–85.

Barsukov, N. P. (1888–1910) *Zhizn’ i trudy M. P. Pogodina: V 22-kh tomakh* [*Life and Works of M. P. Pogodin: In 22 vols*]. St. Petersburg.

Vyazemskii, P. A. (1879) “Vzglyad na literaturu nashu posle smerti Pushkina” [“A Look at Our Literature after Pushkin’s Death”], in *Polnoe sobranie sochinenii kn. P. A. Vyazemskogo, Tom 2* [*Complete Works of Prince P. A. Vyazemsky. Vol. 2*]. St. Petersburg, pp. 348–379.

Gaida, F. A. (2020) “Svyazuyushchee nachalo: o ponimanii ‘narodnosti’ v Rossii I poloviny XIX v.” [“The Connecting Principle: On the Understanding of ‘Nationality’ in Russia in the First Half of the 19th Century”], in *Russkii Sbornik: Issledovaniya po istorii Rossii. Tom XXIX* [*Russian Collection: Studies in the History of Russia. Vol. XXIX*]. Ed. by O. R. Airapetov, et al. Moscow, pp. 97–116.

Gogol’, N. V. (1937–1952) “Shletser, Miller i Gerder” [“Schlozer, Miller and Herder”], in Gogol’, N. V. *Polnoe sobranie sochinenii: [V 14 tomakh]. Tom 8* [*Complete Works: [In 14 vols]. Vol. 8*]. [Moscow; Leningrad], pp. 85–89.

“Istoricheskie vospominaniya i zamechaniya na puti k Troitse i v sem monastyre” [“Historical Memoirs and Remarks on the Way to Trinity and in this Monastery”] (1802) *Vestnik Evropy* [*Bulletin of Europe*], 5(17), pp. 30–47.

Karamzin, N. M. (1978) “Neskol’ko slov o russkoi literature. Pis’mo v ‘Zritel’ o russkoi literature” [“A Few Words about Russian Literature. Letter to the ‘Spectator’ about Russian Literature”], in *Russkaya literaturnaya kritika XVIII veka. Sbornik tekstov* [*Russian Literary Criticism of the 18th Century*]. Moscow, pp. 305–306.

Karamzin, N. M. (1984) *Pis’ma russkogo puteshestvennika* [*Letters of a Russian Traveler*]. Leningrad.

Kireevskii, I. V. (1979) “Nechto o kharaktere poezii Pushkina” [“Something about the Character of Pushkin’s Poetry”], in Kireevskii, I. V. *Kritika i estetika* [*Criticism and Aesthetics*]. Moscow, pp. 43–55.

Letopis’ zhizni i tvorchestva A. S. Pushkina: V 4 tomakh. Tom I [*Chronicle of the Life and Work of A. S. Pushkin: In 4 vols. Vol. I*] (1999) Compiled by M. A. Tsyavlovskii. Moscow.

Letopis' Nestorova, po drevneishemu spisku Mnikha Lavrentiya: Napech. pri O-ve istorii i drevn. Rossiiskikh. Izd. prof. Timkovskogo, preryvayushcheesya 1019 godom [Nestor's Chronicle, according to the Oldest Copy of Monk Laurentiy: Printed at the Society of History and Ancient Russian. Published by prof. Timkovsky, interrupted by the year 1019] (1824) Moscow.

Literaturnaya kritika 1800–1820-kh godov [Literary Criticism of the 1800–1820s] (1980) Moscow.

Lotman, Yu. M. (1958) *Andrei Sergeevich Kaisarov i literaturno-obshchestvennaya bor'ba ego vremeni* [Andrei Sergeevich Kaisarov and the Literary and Social Struggle of his Time]. Tartu.

“M. P. Pogodin — Pushkinu. 3 iyunya 1831 g., Moskva” [“M. P. Pogodin — Pushkin. June 3, 1831, Moscow”] (1996) in Pushkin, A. S. *Polnoe sobranie sochinenii v 17 tomakh. Tom 14* [Complete Works in 17 vols. Vol. 14]. Moscow, pp. 170–171.

“M. P. Pogodin — Pushkinu. 10 avgusta 1831 g., Moskva” [“M. P. Pogodin — Pushkin. August 10, 1831, Moscow”] (1996) in Pushkin, A. S. *Polnoe sobranie sochinenii v 17 tomakh. Tom 14* [Complete Works in 17 vols. Vol. 14]. Moscow, pp. 206–207.

Nestor. Russkie letopisi na drevneslavyanskom yazyke, slichennyye, perevedennyye i ob'yasnennyye Avgustom Lyudvigom Shletserom. Ch. 1 [Nestor. Russian chronicles in Old Slavic, collated, translated and explained by August Ludwig Schlozer. Part 1] (1809) St. Petersburg.

Pis'ma i dnevnik Aleksandra Ivanovicha Turgenyeva gettingenskogo perioda (1802–1804 gg.) i pis'ma ego k A. S. Kaisarovu i brat'yam v Gettingen 1805–1811 gg. S vved. i primech. V. M. Istrina [Letters and Diary of Alexander Ivanovich Turgenyev from the Göttingen Period (1802–1804) and his Letters to A. S. Kaisarov and his Brothers in Göttingen 1805–1811. From input and notes by V. M. Istrin] (1911) St. Petersburg, II pag.

Pis'ma N. M. Karamzina k I. I. Dmitrievu [Letters from N. M. Karamzin to I. I. Dmitriev] (1866) St. Petersburg.

Pogodin, M. P. (2010) “Vzglyad na russkuyu istoriyu. Lektsiya pri otkrytii kursa v sentyabre 1832 g.” [“A Look at Russian History. Lecture at the Opening of the Course in September 1832”], in Pogodin, M. P. *Izbrannyye Trudy* [Selected Works]. Moscow, pp. 85–94.

[Pogodin, M. P.] (1830) “Istoriya russkogo naroda. Soch. H. Polevogo. Tom I. Moskva. V tip. A. Semena, 1829, v maluyu 8-ku LXXXII. 368. VII. 14” [“History of the Russian People. Op. H. Field. Volume I. Moscow. In type A. Semena, 1829, in small 8 LXXXII. 368. VII. 14”], *Moskovskii vestnik* [Moskovsky Vestnik], 1, pp. 165–190.

Pogodin, M. P. (1866) *N. M. Karamzin po ego sochineniyam, pis'mam i otzyvam sovremennikov. Ch. 2* [N. M. Karamzin Based on His Works, Letters, and Reviews of His Contemporaries. Part 2]. Moscow.

Pogodin, M. P. (1865) *Khod istoricheskikh rabot Karamzina* [*The Course of Karamzin's Historical Works*]. Moscow.

[Pogodin, M. P.] (1828) “Lettres sur l`histoire de France pour servir d`introduction à l`élude de celle histoire. Par Augustin Thierry. Paris, 1827. Pis'ma ob istorii Frantsii, soch. T'erri” [“Letters on the History of France to Serve as an Introduction to the History of Celle. By Augustin Thierry. Paris, 1827. Letters on the History of France, Works by Thierry”], *Moskovskii vestnik* [*Moskovsky Vestnik*], 7, pp. 215–223.

Polevoi, N. A. (1990) “Istoriya Gosudarstva Rossiiskogo. Sochinenie N. M. Karamzina. SPb. Tomy I–VIII, 1816 goda, IX, 1821 g., X, XI, 1821 g., XII, 1829 goda (pervye vosem' tomov napechatany vtorym izdaniem v 1818 i 1819 godakh)” [“History of the Russian State. Work of N. M. Karamzin. St. Petersburg. Volumes I–VIII, 1816, IX, 1821, X, XI, 1821, XII, 1829 (the first eight volumes were printed in a second edition in 1818 and 1819)”], in Polevoi, N. and Polevoi, Ks. *Literaturnaya kritika: Stat'i, retsenzii 1825–1842* [*Literary Criticism: Articles, Reviews 1825–1842*]. Leningrad, pp. 32–52.

Polevoi, N. A. (1829) *Istoriya russkogo naroda. Tom I* [*History of the Russian People. Vol. I*]. Moscow.

Pushkin, A. S. (1994–1997) “<Zametki pri chtenii ‘Nestora’ Shletsera>” [“<Notes on Reading Schlozer's ‘Nestor’>”], in Pushkin, A. S. *Polnoe sobranie sochinenii v 17 tomakh. Tom 12* [*Complete Works in 17 vols. Vol. 12*]. Moscow, pp. 207–208.

Pushkin, A. S. (1994–1997) “<O vtorem tome ‘Istorii russkogo naroda’ Polevogo>” [“<On the Second Volume of Polevoy's ‘History of the Russian People’>”], in Pushkin, A. S. *Polnoe sobranie sochinenii v 17 tomakh. Tom 11* [*Complete Works in 17 vols. Vol. 11*]. Moscow, pp. 125–127, 375–378.

Pushkin, A. S. (1994–1997) “<O romanakh Val'tera Skotta>” [“<On Walter Scott's Novels>”], in Pushkin, A. S. *Polnoe sobranie sochinenii v 17 tomakh. Tom 12* [*Complete Works in 17 vols. Vol. 12*]. Moscow, p. 195.

Pushkin, A. S. (1994–1997) “A. A. Del'vigu. Nachalo fevralya 1826 g. Mikhailovskoe” [“To A. A. Delvig. Beginning of February 1826. Mikhailovskoye”], in Pushkin, A. S. *Polnoe sobranie sochinenii v 17 tomakh. Tom 13* [*Complete Works in 17 vols. Vol. 13*]. Moscow, pp. 259–260.

Pushkin, A. S. (1994–1997) “Istoriya russkogo naroda, sochinenie Nikolaya Polevogo. Tom I. — M. v tipogr. Avgusta Semena, 1829 (LXXXII—368 stran., v 8-yu d. l.). V kontse knigi prilozhena tablitsa, sodержashchaya v sebe genealogicheskuyu rospis' russkikh knyazei s 862 po 1055 god” [“History of the Russian People, Work by Nikolai Polevoy. Volume I. — M. in the Printing House of August Semyon, 1829 (LXXXII—368 pages, in 8 p. l.). At the end of the book there is a table containing a genealogical list of Russian princes from 862 to 1055”], in Pushkin, A. S. *Polnoe sobranie sochinenii v 17 tomakh. Tom 11* [*Complete Works in 17 vols. Vol. 11*]. Moscow, pp. 119–124.

Pushkin, A. S. (1994–1997) “Kn. P. A. Vyazemskomu, 5 iyulya 1824 g., Odessa (nabrosok)” [“To Prince P. A. Vyazemsky, July 5, 1824, Odessa (sketch)”], in Pushkin, A. S. *Polnoe sobranie sochinenii v 17 tomakh. Tom 13* [Complete Works in 17 vols. Vol. 13]. Moscow, p. 102.

Pushkin, A. S. (1994–1997) “M. P. Pogodinu. Poslednie chisla noyabrya 1830 g. Boldino” [“To M. P. Pogodin. The Last Days of November 1830. Boldino”], in Pushkin, A. S. *Polnoe sobranie sochinenii v 17 tomakh. Tom 14* [Complete Works in 17 vols. Vol. 14]. Moscow, pp. 128–129.

Pushkin, A. S. (1994–1997) “N. N. Raevskomu-synu. Vtoraya polovina (posle 19) iyulya 1825 g. Mikhailovskoe. (Chernovoe)” [“To N. N. Raevsky the Son. The Second Half (After 19) of July 1825. Mikhailovskoye. (Draft)”], in Pushkin, A. S. *Polnoe sobranie sochinenii v 17 tomakh. Tom 13* [Complete Works in 17 vols. Vol. 13]. Moscow, pp. 540–542, 571–573.

Pushkin, A. S. (1994–1997) “O narodnoi drame i drame ‘Marfa Posadnitsa’” [“On the Folk Drama and the Drama ‘Marfa Posadnitsa’”], in Pushkin, A. S. *Polnoe sobranie sochinenii v 17 tomakh. Tom 11* [Complete Works in 17 vols. Vol. 11]. Moscow, pp. 177–183.

Pushkin, A. S. (1994–1997) *Polnoe sobranie sochinenii v 17 tomakh* [Complete Works in 17 vols] (19 vols). Moscow.

Razgovory Pushkina [Conversations of Pushkin] (1991) Moscow.

Turgenev, A. I. (1911) “Kriticheskie primechaniya, kasayushchiesya do drevnei slavyano-russkoi istorii” [“Critical Notes Concerning Ancient Slavic-Russian History”], in *Pis'ma i dnevnik Aleksandra Ivanovicha Turgeneva gettingenskogo perioda (1802–1804 gg.) i pis'ma ego k A. S. Kaisarovu i brat'yam v Gettingen 1805–1811 gg. S vved. i primech. V. M. Istrina* [Letters and Diary of Alexander Ivanovich Turgenev from the Göttingen Period (1802–1804) and his Letters to A. S. Kaisarov and his Brothers in Göttingen 1805–1811. From input and notes by V. M. Istrin]. St. Petersburg, II pag., pp. 166–167.

[Shevyrev, S. P.] (1828) “Obozrenie russkoi slovesnosti za 1827-i god” [“Review of Russian Literature for the Year 1827”], *Moskovskii vestnik* [Moskovsky Vestnik], 7, pp. 59–84.

[Shevyrev, S. P.] (1827) “Histoire de la conquête de l'Angleterre par les Normands, de ses causes et de ses suites jusqu'à nos jours, en Angleterre, en Ecosse, en Irlande et sur le continent, par Augustin Thierry. T. I. XXVI. 440 p. T. II. 501 p. T. III. 566 p. 1825. 1826. in 8°: Istoriya zavoevaniya Anglii Normannami” [“History of the Conquest of England by the Normans, its Causes and their Consequences, in England, in Ecology, in Ireland and on the Continent, by Augustin Thierry. T. I. XXVI. 440 p. T. II. 501 p. T. III. 566 p. 1825. 1826. in 8°: History of the Conquest of England by the Normans”], *Moskovskii vestnik* [Moskovsky Vestnik], 6, pp. 329–330.

Информация об авторе: Федор Александрович Гайда — доктор исторических наук, профессор, исторический факультет Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Адрес: Российская Федерация, 119192, Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4; ведущий научный сотрудник отдела новейшей истории Русской Православной Церкви Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (ПСТГУ). Адрес: Российская Федерация, 115184, Москва, ул. Новокузнецкая, д. 23 Б.

Information about the author: Fyodor A. Gayda — DSc in History, Professor, the History Department of the Lomonosov Moscow State University. Address: 4, 27 Lomonosovsky Prosp., Moscow, 119192, Russian Federation; Leading Research Fellow at the Department of Contemporary History of the St. Tikhon Orthodox University. Address: 23B Novokuznetskaya Str., Moscow, 115184, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 06.02.2025;
одобрена после рецензирования 01.03.2025;
принята к публикации 10.03.2025.

The article was submitted 06.02.2025;
approved after reviewing 01.03.2025;
accepted for publication 10.03.2025.